
Глава 7.2. ГЛУБОКАЯ ЗАМОРОЗКА АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Негативная динамика российско-американских отношений была задана в конце первого президентского срока Б. Обамы и в начале третьего президентского срока В.В. Путина, когда на смену краткому периоду «перезагрузки» пришел этап нарастания напряженности, кульминацией которого стал украинский кризис 2014 г. Возвращение Крыма под российский суверенитет и поддержка непризнанных республик Донбасса стали самым серьезным вызовом постбиполярному мироустройству. Решившись стать в авангарде его пересмотра, Россия приняла на себя основные контрудары со стороны Соединенных Штатов и их союзников. Одним из очевидных выгодоприобретателей украинского кризиса оказался Китай, получивший благодаря переключению внимания администрации Б. Обамы на конфронтацию с Россией дополнительный выигрыш во времени в преддверии перехода к открытому соперничеству с США за мировое лидерство.

Избирательная кампания 2016 г.: начало поисков «русского следа»

Довольно неопределенное намерение Д. Трампа «поладить с Россией», несколько раз заявленное во время предвыборной кампании, было по всей видимости связано не только с симпатиями к В.В. Путину как своеобразному антиподу Б. Обамы и Клинтон, но и с осознанием издержек блокировки политического диалога с Москвой. Выступая с нападками на Китай, Д. Трамп и его избирательный штаб, очевидно, учитывали, что конфронтация США с Россией ведет к дальнейшему смещению баланса сил в пользу Пекина. Однако в целом тема России и ее поведения на международной арене должна была оставаться на периферии предвыборных дебатов, поскольку, в отличие от китайского влияния на экономику США, не затрагивала интересы сколь-нибудь значимой доли американских избирателей.

Переключение внимания на Россию стало частью предвыборной тактики Хиллари Клинтон после публикации «WikiLeaks» в июле 2016 г. более 20 тыс. электронных сообщений и документов, выкраденных анонимными хакерами с сервера Национального комитета Демократической партии, а также появления в октябре 2016 г. новой порции разоблачительных сообщений, связанных с деятельностью руководителя предвыборного штаба Клинтон Джона Подесты. Пытаясь отвести внимание избирателей от содержания обнародованных документов, представители Х. Клинтон утверждали, что за

¹ *Ефременко Дмитрий Валерьевич* – д-р полит. наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН (efd2015@mail.ru).

утечками стоит Кремль, заинтересованный в успехе республиканского кандидата². Эта тактика, как известно, не позволила Х. Клинтон одержать победу на президентских выборах (2016), но после их завершения ее взяла на вооружение формирующаяся антитрамповская коалиция разнородных политических и общественных сил внутри США и за их пределами. Программа-минимум этой коалиции состояла в том, чтобы воспрепятствовать восстановлению конструктивного диалога между Белым домом и Кремлем. Программа-максимум была направлена на то, чтобы под предлогом выявления «российского следа» пустить под откос все президентство Д. Трампа. Российско-американские отношения, таким образом, превращались в инструмент и жертву американской внутривнутриполитической борьбы.

Существенный вклад в осуществление программы-минимум внесла уходящая администрация. В начале декабря 2016 г. Б. Обама отдал распоряжение разведывательным службам провести анализ сведений о вмешательстве России в избирательную кампанию; уже в конце декабря администрация Б. Обамы инициировала высылку 35 российских дипломатов и ввела существенные ограничения на работу дипломатических представительств России на территории США. Обычный в таких случаях симметричный ответ Москвы привел к пропорциональному сокращению численности американских дипломатов и персонала представительств на российской территории. Ущерб, нанесенный этими действиями эффективности работы посольств и консульских служб двух стран, в полной мере не преодолен до сих пор. Администрация 44-го президента США также внесла в санкционные списки ряд российских организаций, в числе которых оказались ФСБ и ГРУ.

«Russiagate» и крушение надежд на улучшение российско-американских отношений

Контакты, состоявшиеся между представителями России и командой вновь избранного президента США, позволяли предположить, что после его инаугурации стороны предпримут меры к преодолению последствий дипломатического кризиса, а также начнут диалог по актуальным вопросам российско-американских отношений и региональным проблемам, включая сирийский и украинский кризисы. Но уже первые недели работы новой администрации показали, что либерально ориентированные СМИ, явные оппоненты Д. Трампа в политическом истеблишменте и скрытые – внутри структур исполнительной власти, – эффективно блокируют попытки перейти к конструктивному диалогу с Москвой. Скандал вокруг помощника президента по национальной безопасности генерала Майкла Флинна, обвиненного в сокрытии от вице-президента США Майкла Пенса полной и достоверной информации о содержании своих бесед с послом России Сергеем Ивановичем Кисляком, привел к его громкой отставке после 24 дней работы в администрации Д. Трампа. В результате едва ли не любой контакт членов команды

² Cheney K. Hacked 80-page roundup of paid speeches shows Clinton «praising Wall Street». 12.10.2016 // Politico. – Mode of access: <https://www.politico.com/story/2016/10/hillary-clinton-wall-street-speeches-podesta-emails-229689> (Date of access 26.01.2020).

Д. Трампа и самого президента США с российскими представителями почти неизбежно становился политически токсичным. Даже встреча на высшем уровне в Хельсинки 16 июля 2018 г., позволившая лидерам двух стран провести откровенный обмен мнениями по всему спектру интересующих их вопросов и, по всей видимости, по некоторым из них достичь взаимопонимания, сопровождалась очередным всплеском антироссийской истерии в американских СМИ и новой волной обвинений Д. Трампа в «капитуляции перед Путиным»³. Хельсинкский саммит подтвердил динамику, ставшую при Д. Трампе стандартной: вслед за переговорами между представителями США и России в западных массмедиа появляется серия публикаций, обвиняющая американских переговорщиков в уступчивости, после чего уже официальный Вашингтон выступает с «компенсирующими» антироссийскими заявлениями и новыми санкциями, доказывающими жесткость подхода в отношении Москвы.

Свой весьма значительный вклад в дальнейшее ухудшение российско-американских отношений внес Конгресс США. На фоне сильнейшей поляризации позиций республиканцев и демократов по большинству проблем внутренней и внешней политики негативное восприятие России с самого начала президентства Д. Трампа стало консенсусным. Не только демократы, но и такие ведущие законодатели-республиканцы, как Джон Маккейн (ум. в 2018 г.), Линдси Грэм, Том Круз, Марко Рубио и др., лоббировали максимальное ужесточение курса в вопросах, затрагивающих интересы России. На основе антироссийского консенсуса Конгресс фактически присвоил часть конституционных полномочий президента в сфере внешней политики, ограничив в Законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA)⁴ право главы государства и исполнительной власти единолично отменять ранее введенные санкции. CAATSA делает набор наиболее жестких антироссийских санкций практически неотменяемым и закрепляет за Россией статус «противника Америки» наряду с Ираном и Северной Кореей. Помимо прямых санкций или возможности их введения в отношении российских энергетических проектов, коммерческих сделок в сфере военно-технического сотрудничества и т.д., закон обязывает Министерство финансов, Госдепартамент и Службу национальной разведки США собирать информацию и представлять Конгрессу ежегодный доклад о доходах, активах и инвестициях ведущих представителей российской политической и экономической элиты. Включение в CAATSA этого механизма политического давления отражало убежденность американских конгрессменов и готовивших законопроект экспертов в клептократическом характере российского политического режима⁵.

³ Sevastopulo D., Hille K. Trump–Putin: Will Helsinki prove a turning point for the Republicans? 20.07.2018 // Financial Times. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/19415d54-8c05-11e8-b18d-0181731a0340> (Date of access 28.01.2020).

⁴ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. August 2, 2017 // US Congress. – Mode of access: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (Date of access 28.01.2020).

⁵ Как полагает Томас Грэм, некритическое следование этому стереотипу способно привести к формированию ошибочной стратегии, предполагающей, что серьезная угроза активам российских олигархов и коррумпированных чиновников заставит их оказывать давление на

Первый «кремлевский доклад», представленный в соответствии с СААТSA в конце января 2018 г., включал в себя два списка – высокопоставленных политических деятелей (114 человек) и «олигархов» (96 человек). Чуть более 15% фигурантов обоих списков были подвергнуты реальным санкциям⁶. Тем не менее меседж российской элите был послан, а сам инструмент давления зарезервирован до наступления момента, когда сплоченность элиты будет иметь критическое значение.

Демонизация в США России и В.В. Путина приобрела в период президентства Д. Трампа поистине гротескные формы. Отчасти это сказалось на качестве политического анализа, в полной мере – на дискурсивных стратегиях СМИ и основных игроков американской политической сцены. Для них «российское вмешательство» в американские выборы стало на многие месяцы лейтмотивом того, что с очень большой натяжкой можно назвать цивилизованной политической дискуссией. Разумеется, от самой темы «российского вмешательства» нельзя просто так отойти, поскольку тяжелейшие последствия для двусторонних отношений имеет сформированный в общественном мнении США образ России. Результаты расследования специального прокурора Роберта Мюллера в самой России едва ли могут считаться истиной в последней инстанции. Вместе с тем было бы контрпродуктивно совершенно игнорировать следующие выводы доклада Р. Мюллера: «В рамках расследования было установлено, что российское правительство считало, что избрание Трампа президентом будет ему выгодно, и действовало, с тем чтобы добиться этого результата. Было также установлено, что предвыборный штаб [Трампа] рассчитывал, что в плане выборов он извлечет пользу из информации, похищенной и опубликованной благодаря действиям России. Однако расследование не установило, что члены предвыборного штаба Трампа были в сговоре или взаимодействовали с российским правительством в его деятельности, осуществлявшейся с целью вмешательства в выборы»⁷. Как именно действовало российское правительство и кого, собственно, так называют в докладе? Детального ответа на этот вопрос общедоступная версия доклада Р. Мюллера не дает. Конкретные представители «российского правительства» не названы; доклад не содержит утверждений, что к их числу относится возглавляющий российскую «вертикаль власти» президент В.В. Путин.

Тот факт, что в Кремле в большей степени симпатизировали во время избирательной кампании 2016 г. республиканскому кандидату, никогда не был секретом. Другое дело, что эти симпатии, скорее, были обратной стороной антипатии к Х. Клинтон, приход которой в Белый дом, как считалось,

Путин для изменения российской внутренней и внешней политики (Graham T. Let Russia be Russia. The Case for a More Pragmatic Approach to Moscow // Foreign Affairs. Vol. 98. 2019. N 6).

⁶ Report to Congress Pursuant to Section 241 of the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act of 2017 Regarding Senior Foreign Political Figures and Oligarchs in the Russian Federation and Russian Parastatal Entities. January 29, 2018 // The Assets. – Mode of access: <https://assets.bwbx.io/documents/users/ijqWHBfU/rJRW6xrdtLJE/v0> (Date of access 29.01.2020).

⁷ Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election. Special Counsel Robert S. Mueller, III // Washington D.C., 2019. Vol. 1. – P. 180.

должен был привести к дальнейшему усилению давления США на Россию. Соответственно, российские СМИ, в том числе вещающие на английском языке «Russia Today» и «Sputnik», в основном представляли информацию об американской предвыборной кампании в благоприятном для Д. Трампа свете.

Вместе с тем едва ли можно говорить о целенаправленной «спецоперации» Москвы по обеспечению избрания президентом США Д. Трампа. Скорее, могли иметь место не вполне скоординированные действия на разных уровнях принятия и исполнения решений, укладываемые в логику российско-американского геополитического противоборства. Если лидеры США в противостоянии с Россией (как, впрочем, и с Китаем) исходят из принципа «*Quod licet Iovi, non licet bovi*», то российские руководители – не только В.В. Путин, но и его предшественник Б.Н. Ельцин – всегда настаивали на равноправии, нередко означавшем в условиях конфронтации действия по принципу талиона. В 2011 г. ведущие представители администрации Б. Обамы, согласно отдельным источникам⁸, пытались оказывать давление на российское руководство, с тем чтобы предотвратить возвращение В.В. Путина на пост президента; достаточно широкая моральная и информационная поддержка со стороны представителей Запада была в это время оказана и протестному «белоленточному» движению. И если в 2016 г. со стороны каких-либо российских структур имели место попытки оказывать воздействие на американскую внутривнутриполитическую динамику, то, вполне возможно, в подоплеке их действий было стремление показать, что у США нет никакой «исключительной лицензии» на вмешательство в дела других стран.

Политические и электоральные кампании 2016 г. в странах Запада создали благоприятные условия для активизации различных игроков (совсем необязательно связанных с Россией) в так называемых «серых зонах» – сферах конфронтационного взаимодействия, находящихся в промежутке между рутинными межгосударственными отношениями и классическими военными действиями⁹. К их числу, в частности, относятся гибридные операции в киберпространстве, пропагандистские кампании и распространение «фейковых» новостей, политико-экономическое принуждение, ведение «войн по доверенности», иные виды парамилитарной активности. Эти сферы либо вовсе не охвачены международно-правовым регулированием, либо охвачены в недостаточной степени. Соответственно, политические акторы, действуя в «серых зонах» напрямую или – в большинстве случаев – через цепочку посредников, могут добиваться желаемых результатов при относительно невысоком уровне риска.

Некоторые из видов активности в «серых зонах» в 2016 г. еще могли считаться инновационными или экспериментальными. Например, в это время широкую известность получили успешные действия британской консалтинговой фирмы «Cambridge Analytica», которая использовала технологии глу-

⁸ Каспаров Г. Откровенный разговор в Спасо-Хаус. 11.03.2011. – Режим доступа: <https://garry-kasparov.livejournal.com/25189.html> (Дата обращения 20.01.2020).

⁹ Hicks K., Friend A. et al. *By Other Means. Part I: Campaigning in the Gray Zone*. July 2019. A Report on the CSIS International Security Program. – N.Y.: Rowman & Littlefield, 2019. – 42 p.

бинного анализа данных (в частности, данных социальных сетей) для разработки стратегий сетевой коммуникации во время электоральных кампаний. Фирма предоставляла свои услуги избирательному штабу Т. Круза, а после его выхода из президентской гонки – штабу Д. Трампа¹⁰. Также услуги «Cambridge Analytica» использовал ряд инициативных групп в Великобритании, агитировавших за Брекзит. Вопрос о фактическом масштабе воздействия «Cambridge Analytica» на волеизъявление американских и британских избирателей остается открытым, но, несомненно, что опыт этой фирмы привлек к себе пристальное внимание в разных странах. Во всяком случае, активность в американском киберпространстве некоторых российских окологосударственных игроков (в частности, петербургского Агентства интернет-исследований – так называемой «фабрики троллей», которую связывают с именем влиятельного бизнесмена Е. Пригожина¹¹) можно рассматривать и как тестирование нового инструментария, подобно тому как это делали с использованием других методов специалисты «Cambridge Analytica».

Обвинения Р. Мюллера против абстрактного «российского правительства», а также против ряда российских физических и юридических лиц требуют доказательного подтверждения или опровержения. Вероятность, что такое подтверждение или опровержение когда-либо будет получено, невысока. Более существенен вопрос о политических последствиях. Если придерживаться версии о том, что в 2016 г. некоторые российские группы, структуры и индивиды в самом деле предприняли активные действия в «серой зоне» с использованием нового для них инструментария, то результаты трудно назвать позитивными. Во-первых, невозможно доказать, что «российское вмешательство» радикально повлияло или, напротив, не повлияло на итоги выборов в США. Более вероятно, что за исключением скандала с раскрытием материалов электронной переписки Х. Клинтон и Дж. Подесты, все прочие приписываемые России действия оказались не более чем фоновым шумом. Во-вторых, избрание Х. Клинтон президентом США, скорее всего, привело бы к дальнейшей деградации российско-американских отношений, но она все же не была бы столь всеобъемлющей и безнадежной, как вследствие «Russiagate».

Проблемы безопасности, геополитическая конкуренция на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке

В отличие от модели «Chimerica», в основе отношений РФ–США не лежит торгово-экономическая взаимозависимость. Их базисом со времен расцвета военного и политического могущества СССР служит угроза взаим-

¹⁰ Sellers F.S. Cruz Campaign Paid \$750,000 to «Psychographic Profiling» Company 19.10.2015 // The Washington Post. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/politics/cruz-campaign-paid-750000-to-psychographic-profiling-company/2015/10/19/6c83e508-743f-11e5-9cbb-790369643cf9_story.html (Date of access 23.01.2020); Altman A. Silent Partners // Time. October 10, 2016. N 44.

¹¹ Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Election. 6.01.2017 // National Intelligence Council. – Mode of access: https://en.wikisource.org/wiki/Assessing_Russian_Activities_and_Intentions_in_Recent_US_Elections (Date of access 23.01.2010).

ного ядерного уничтожения, а также система соглашений о контроле и сокращении ядерных и обычных вооружений. Д. Трамп последовательно двигался по пути демонтажа этой системы, делая ставку на максимизацию военно-стратегических и технологических преимуществ Соединенных Штатов. Но в этом он, в сущности, выступил лишь более решительным продолжателем курса Дж. Буша-мл. В свою очередь, внешняя и оборонная политика России отражала осознание руководством страны, что невозможно преодолеть конфронтацию с Соединенными Штатами в обозримом будущем, не поступаясь жизненно важными национальными интересами. Причем это осознание сформировалось задолго до появления Д. Трампа в Белом доме. Российские меры по укреплению обороноспособности обозреватели рассматривали в контексте таких решений Д. Трампа, как выход из Договора РСМД, но фактически Москва принимала их в ответ на действия предыдущих американских администраций, направленных на нарушение военно-стратегического паритета.

1 марта 2018 г. в Послании Федеральному Собранию Владимир Путин объявил о разработке и постановке на вооружение новых видов стратегического оружия, которые не используют баллистические траектории полета при движении к цели, тем самым сводя практически к нулю эффективность системы ПРО потенциального противника. Общая оснащенность Вооруженных Сил России современным оружием за последние годы возросла в 3,7 раза; на вооружение принято более 300 новых образцов военной техники; количество носителей высокоточного оружия большой дальности увеличилось более чем в 12 раз, а высокоточных крылатых ракет – более чем в 30 раз¹². Достигнут значительный прогресс в модернизации систем ПВО, подводных лодок и средств радиоэлектронной борьбы, оснащении воздушно-космических сил.

Очевидно, что оборонная политика России строится на понимании, что от примерного паритета потенциалов взаимного уничтожения предстоит возвратиться на более опасном уровне к «равновесию страха», когда основным сдерживающим фактором станет опасение неприемлемого ущерба со стороны противника. Причем в современных условиях решающее значение будет иметь даже не само наличие потенциала «судного дня», а способность убедить всех в наличии возможностей асимметричного и сокрушительного ответа с использованием различных, в том числе и неядерных, вооружений. Нет сомнений, что такими возможностями Россия сегодня располагает. Эта уверенность имела большое значение и для диалога между Д. Трампом и В.В. Путиным, и для укрепления стратегического партнерства между Россией и Китаем на равноправной основе.

Политика администрации Д. Трампа в отношении Украины и всего постсоветского пространства, критически важного для интересов России, отличалась определенной бессистемностью, связанной с несоответствием личных приоритетов президента США и антироссийской ангажированности большинства других представителей его администрации и истеблишмента

¹² Послание Президента Федеральному Собранию. 1.03.2018 // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (Дата обращения 20.01.2020).

Соединенных Штатов в целом. Политические потрясения на Украине 2014 г. обеспечили Вашингтону исключительно благоприятную позицию, позволяя фактически контролировать правительство одной из крупнейших стран постсоветского пространства и блокировать сколь-нибудь существенное сближение России и Европейского союза. США на уровне высокопоставленных дипломатов и чиновников продолжали работать над закреплением этих преимуществ. Назначение в июле 2017 г. на пост специального представителя Госдепартамента по Украине Курта Волкера, убежденного критика Минских договоренностей (2015) и «нормандского формата», должно было сигнализировать о дальнейшем ужесточении курса в отношении России. Фактические действия администрации Д. Трампа в отношении Украины, в самом деле, позволяют сделать вывод, что США перешли к решительному противодействию российским интересам на самых чувствительных направлениях. В числе таких действий – решение о поставках Украине летального оружия, от которого воздерживалась администрация Б. Обамы, помощь в укреплении вооруженных сил и служб безопасности, усиление присутствия сил НАТО в Черном море, активная поддержка предоставления Константинопольским патриархатом томоса об автокефалии так называемой Православной церкви Украины, солидарность с исторической и языковой политикой Киева, неуклонное расширение арсенала санкций по «украинскому досье» и создание препятствий для завершения строительства газопровода «Северный поток-2».

В то же время Д. Трамп через своего личного адвоката Р. Джулиани создал параллельный канал коммуникации с украинскими политиками, чиновниками и предпринимателями. Этот канал использовался Д. Трампом и его доверенными представителями, чтобы оказать давление на вновь избранного президента Украины Владимира Зеленского, вынуждая его начать расследование в отношении сына Джозефа Байдена, бывшего вице-президента США и основного соперника Д. Трампа на выборах 2020 г. Предание огласке фактов давления на В. Зеленского позволило демократам в Конгрессе начать процедуру импичмента Д. Трампа и, таким образом, попытаться на украинском материале довести до конца кампанию «Russiagate». В контексте данной главы стоит обратить внимание на то обстоятельство, что для Д. Трампа тема Украины явно имела гораздо большее значение в связи с задачами его борьбы с ведущими фигурами в Демократической партии, чем в связи с российско-американским геополитическим соперничеством. Можно предположить, что и Украину в целом он вполне мог при определенных обстоятельствах рассматривать в качестве объекта сделки с Москвой, если ее результатом стало бы обеспечение более значимых интересов США. Другое дело, что настрой массмедиа и антироссийский консенсус американской политической элиты делают достижение такого рода сделки в обозримом будущем крайне маловероятным.

С началом «Ukraine-gate» политика США в отношении Киева на некоторое время оказалась близкой к параличу. К. Волкер подал в отставку, критично настроенная в отношении Д. Трампа посол Мари Йованович была еще ранее досрочно отозвана в Вашингтон. Во время визита в Киев государственного секретаря Майкла Помпео 30 января – 1 февраля 2020 г. должности посла

США и спецпредставителя Госдепартамента по Украине оставались вакантными. Вместе с тем именно в период спада американской активности на Украине состоялась первая с октября 2016 г. встреча на высшем уровне в «нормандском формате», хотя основной причиной его активизации стали политические изменения, связанные с избранием президентом В. Зеленского.

Следует отметить, что и применительно к другим странам постсоветского пространства политика администрации Д. Трампа была довольно неровной, что во многом было связано с неразберихой в работе Госдепартамента под руководством Рекса Тиллерсона и – уже в меньшей степени – М. Помпео¹³. В Белоруссии США пытаются использовать нарастающие разногласия между Минском и Москвой относительно поставок энергоносителей и форматов интеграционного взаимодействия. Однако пока Вашингтон не располагает в Белоруссии достаточно эффективными рычагами воздействия. Особым является случай Молдовы. До июня 2019 г. Молдова оставалась полем затяжного геополитического противостояния США и Европейского союза, с одной стороны, и России – с другой. Однако к лету 2019 г. все три внешние силы договорились объединить усилия, чтобы устранить с политической арены Молдовы олигарха Владимира Плахотнюка, фактически контролировавшего экономику страны (за исключением Приднестровья). В. Плахотнюк и его Демократическая партия Молдовы (ДПМ) занимали позицию демонстративной лояльности Западу, хотя и в Вашингтоне, и в Брюсселе осознали неприемлемость дальнейшего роста репутационных издержек политической защиты олигарха, ставшего фигурантом многих криминальных расследований в самой Молдове и за ее пределами. Благодаря скоординированным усилиям представителей США, ЕС и России 16 июня 2019 г. было сформировано новое коалиционное правительство во главе с Майей Санду, ДПМ перешла в оппозицию, а В. Плахотнюк покинул страну. Трехстороннее согласие оказалось недолговечным (уже 12 ноября 2019 г. парламент Молдовы вынес вотум недоверия правительству М. Санду), однако сам прецедент ситуативного сотрудничества США, ЕС и России для преодоления кризисной ситуации в одной из стран постсоветского пространства достаточно важен.

В Центральной Азии, несмотря доминирующие позиции в регионе РФ и КНР, США с 2016 г. пытаются развивать формат «С5+1» (т.е. пять стран Центральной Азии и США). Тем не менее вплоть до 2020 г. никакой реальной конкуренции Шанхайской организации сотрудничества, инициативе ОПОП, ЕАЭС и ОДКБ Вашингтон составить не мог. Кроме того, центральное значение для США имеет афганский вопрос, тогда как страны региона предпочли бы, чтобы Вашингтон рассматривал взаимодействие с ними как самоценное. В то же время именно фактор Афганистана и стремление Д. Трампа найти приемлемый вариант завершения американского военного присутствия в этой зоне перманентного конфликта побуждает США, РФ и КНР стремиться к достижению в Центральной Азии взаимоприемлемого баланса сотрудничества и соперничества. Так, Афганистан и борьба с исламским фундаментализ-

¹³ Бёрнс У. Потерянное искусство американской дипломатии. Можно ли спасти Госдепартамент? // Россия в глобальной политике. Т. 17. 2019. № 3. – С. 24–35.

мом и экстремизмом остаются значимыми факторами, препятствующими развитию взаимоотношений США и РФ в Центральной Азии по сценарию игры с нулевой суммой, как это происходит в случае с Украиной¹⁴.

Важным примером взаимодействия геополитических конкурентов можно считать развитие ситуации в Сирии и вокруг нее. Вмешательство России в сирийский кризис в 2015 г. было неожиданным и весьма эффективным геополитическим маневром, позволившим избежать того, чтобы отношения России и Запада определялись исключительно украинским контекстом. «Сирийский гамбит» Кремля хотя и не привел к примитивному размену «Леванта на Донбасс» (такая задача никогда и не стояла), но способствовал размыванию антироссийской ортодоксии и осознанию подлинной цены политики санкций. Возвращение России на Ближний Восток, выверенное использование силы и искусная дипломатия позволили качественно изменить ход всего конфликта, обеспечив признание Москвы в качестве ключевого игрока всеми странами региона, включая и противников режима Б. Асада. Вместе с тем было бы неверно недооценивать вклад Соединенных Штатов в нанесение поражения террористической группировке «Исламское государство» (ИГ)¹⁵ на территории Сирии и Ирака. Но возглавляя коалиционные силы, освобождавшие от сил ИГ Мосул и Ракку, США фактически утратили политическую инициативу, которая перешла к России, Турции и Ирану. Примечательно, что администрации Б. Обамы и Д. Трампа, воздерживаясь от формальных политических договоренностей с Россией, вынуждены были на уровне представителей военного командования координировать взаимодействие подразделений России, США и их партнеров, а также предотвращать возможные столкновения. Несмотря на отдельные опасные инциденты¹⁶, это взаимодействие доказало свою эффективность.

На фоне стагнации политического диалога Москвы и Вашингтона при Д. Трампе продолжалось двустороннее взаимодействие на уровне спецслужб. Препятствием не были даже персональные санкции: когда возникала необходимость обмена мнениями руководителей спецслужб на высоком уровне,

¹⁴ Кортунов А.В., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: Ограничения и возможности сотрудничества: доклад РСМД № 49/2019 // Российский совет по международным делам (РСМД). 2019. Доклад № 49. – 40 с.

¹⁵ Запрещена в России. – *Прим. авт.*

¹⁶ Наиболее серьезным был инцидент в районе г. Хашам в ночь с 7 на 8 февраля 2018 г., когда силы западной коалиции нанесли авиационный и артиллерийский удар по сирийским проправительственным формированиям, в составе которых находилось несколько десятков сотрудников российской частной военной компании, которую принято называть ЧВК «Вагнер». Эти формирования предприняли наступление на позиции курдского Союза демократических сил, поддерживаемого США. Наступление не было согласовано с российским командованием. В результате удара наступление было остановлено, а его участники понесли значительные потери. Оценки количества потерь сотрудников ЧВК «Вагнер» сильно различаются. Более реалистичными представляются умеренные оценки потерь в диапазоне от 10 до 20 человек (Reuter Ch. The Truth About the Russian Deaths in Syria. 2.03.2018 // Spiegel International. – Mode of access: <https://www.spiegel.de/international/world/american-fury-the-truth-about-the-russian-deaths-in-syria-a-1196074.html> (Date of access 1.02.2020).

США делали временные исключения из санкционных списков¹⁷. Результатами взаимодействия стало, в частности, предотвращение террористических актов в Петербурге в 2017 и 2019 гг., информацию о подготовке которых предоставила американская сторона¹⁸.

Возможен ли выход из тупика в российско-американских отношениях?

В целом к концу срока президентства Д. Трампа двусторонние отношения РФ–США оказались в глухом тупике. До президентских выборов 2020 г. в США взаимное расположение лидеров двух держав, скорее всего, ситуацию изменить не сможет. Вполне вероятно дальнейшее раскручивание конфронтационной спирали.

В условиях мирового кризиса, связанного с пандемией коронавируса, внимание политических элит США и России оказалось в значительной мере отвлечено от конфронтации, но сама инерция двусторонних отношений не позволяет выйти из конфронтационной колеи. Реакцией на гуманитарную помощь, оказанную Россией США на пике пандемии, стали позитивные высказывания Д. Трампа, но значительная часть американских политиков и комментаторов стремилась сосредоточить внимание на якобы распространяемой Москвой и Пекином дезинформации о борьбе с коронавирусом, направленной на создание дополнительных трудностей для Вашингтона и Запада в целом.

Вместе с тем в разгар кризиса Д. Трамп предпринял активные усилия, чтобы предотвратить катастрофические последствия обвала нефтяного рынка, вызванного неудачей переговоров в формате ОПЕК+ в начале марта и развязыванием ценовой войны, основными сторонами в которой выступили Саудовская Аравия и Россия. Президент США, заинтересованный предотвратить банкротство значительной части американских нефтедобывающих компаний (в особенности специализирующихся на добыче сланцевой нефти), фактически выступил посредником между Москвой и Эр-Риядом. В наиболее напряженный момент переговоров Д. Трамп дважды в течение одного дня созванивался с В.В. Путиным. 12 апреля 2020 г. была заключена новая сделка ОПЕК+, предусматривавшая беспрецедентный объем сокращения добычи нефти для ее прямых участников – 9,7 млн баррелей в сутки в мае-июне 2020 г., а также сокращение на 5 млн баррелей добычи в США и пяти других странах, не участвующих в формате ОПЕК+. Для США соглашение не является юридически обязывающим и им не так уж сложно его нарушить либо досрочно отказаться от обязательств по сокращению добычи. Тем не менее в процессе переговоров впервые было успешно реализовано трехстороннее

¹⁷ Горяшко С., Коррера Г. Директор ЦРУ раскрыл тему тайной встречи с главами российских разведок. 1.02.2018 // Русская служба Би-би-си. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-42906519> (Дата обращения 31.01.2020).

¹⁸ Бортников сообщил об информации из США о готовящихся терактах в России. 17.10.2019 // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5da868339a7947249cdcf6e> (Дата обращения 31.01.2020).

взаимодействие крупнейших производителей нефти – США, России и Саудовской Аравии, направленное на стабилизацию нефтяного рынка и его дальнейшее регулирование. При этом Вашингтон фактически был вынужден отойти от прежней линии, когда риторика о сдерживании России служила прикрытием для намерений перекроить в свою пользу европейский рынок энергоносителей. Наиболее ярким примером этого подхода стали санкции США, направленные на блокировку строительства газопровода «Северный поток-2». Нельзя исключать, что закулисной составляющей переговоров о снижении нефтедобычи стало достижение минимального взаимопонимания между Москвой и Вашингтоном в отношении судьбы «Северного потока-2».

В экспертных кругах Соединенных Штатов Америки, несмотря на доминирование сторонников изоляции и активного противодействия России, постепенно формируется осознание опасности тупика в российско-американских отношениях. На первом месте в списке осознаваемых угроз, безусловно, стоит существенное понижение порога эскалации конфликта вплоть до применения ядерного оружия. Признано и то, что в стратегическом «треугольнике» США–Китай–Россия сокращаются возможности американской стороны контролировать изменения баланса сил¹⁹. Помимо призывов извлечь позитивные уроки из богатейшего опыта советско-американских / российско-американских переговоров о стратегической стабильности и контроле над вооружениями эксперты высказывают предложения о способах вернуть Россию в структурированный формат взаимодействия с США. Известный американский политический аналитик Грэм Аллисон даже приходит к выводу о том, что США придется смириться с наличием у других великих держав своих собственных сфер влияния²⁰. Реалисты школы Генри Киссинджера высказываются даже в пользу стратегического компромисса, основой которого может быть «обмен Крыма на Донбасс», т.е. признание Западом российского суверенитета над полуостровом при одновременном восстановлении контроля Киева над территориями непризнанных республик без предоставления им прав автономии²¹. Наряду с «разменом» должен быть отменен санкционный режим, а за Украиной будет закреплён внеблоковый статус. Сама возможность согласия России на подобную ревизию Минских соглашений маловероятна (и еще менее вероятно согласие Киева отказаться от притязаний на Крым), но показательно желание этой части американских экспертов вернуться к поиску *modus vivendi* в отношениях с Москвой, не пытаясь при этом вынудить ее к геополитической и моральной капитуляции.

¹⁹ Sebenius J.K., Burns R.N., Mnookin R.H. Kissinger the Negotiator: Lessons from Deal-making at the Highest Level. – N.Y.: Harper, 2018. – 448 p.

²⁰ Allison G. The New Spheres of Influence. Sharing the Globe with Other Great Powers // Foreign Affairs. Vol. 99. 2020. N 2.

²¹ Graham T. Let Russia be Russia. The Case for a More Pragmatic Approach to Moscow // Foreign Affairs. Vol. 98. 2019. N 6.